

Круглый стол «Культурное многообразие России и его роль в российской модернизации»

В Московском педагогическом государственном университете 14 декабря 2012 г. прошел круглый стол «Культурное многообразие России и его роль в российской модернизации», который проводился кафедрой культурологии МПГУ, сектором социальной философии Института философии, журналом «Вопросы культурологии». Председательствовали д-р филос. наук, проф. Т. Ф. Кузнецова (зав. каф. культурологии МПГУ) и д-р филос. наук, проф. В. Г. Федотова (зав. сектором социальной философии ИФ РАН). В работе круглого стола приняли участие преподаватели кафедры культурологии МПГУ, сотрудники сектора социальной философии ИФ РАН, журнала «Вопросы культурологии», Российского института культурологии, Московского гуманитарного университета и др.

Как подчеркнула во вступительном слове *Т. Ф. Кузнецова*, современным обществам приходится сталкиваться с мультикультура-

лизмом, даже если его проблема не обсуждается в рамках политического управления. В практической деятельности и в дискуссиях теоретиков сталкиваются различные точки зрения. Например, основная установка либеральной эгалитаристской стратегии — организовать публичное пространство государства как индифферентное по отношению к культурным различиям — сегодня оказывается иллюзорной. Иная позиция, в частности разделяемая известным ученым У. Кимликой и некоторыми другими, напротив, заключает в себе пропаганду множества культурных анклавов, что неизбежно влечет за собой конфликт лояльности и сегрегацию. Одной из форм компромисса между мультикультурализмом и либеральным эгалитаризмом Т. Ф. Кузнецова называет позицию либерально-демократической теории С. Бенхабиб. Т. Ф. Кузнецова рассмотрела вопрос о влиянии мультикультурализма на развитие немецкого общества,

а также на его роль в политике Гарвардского университета по отношению к культурным различиям студентов.

Т. Ф. Кузнецова отметила, что внушительный пласт западной исследовательской литературы, посвященной данной проблематике, контрастирует с меньшим числом трудов по поводу ее российской специфики. Это притом что Россия поразительно мультиэтнична и пережила значительное количество стадий ассимиляции.

В. Г. Федотова обратила внимание присутствующих на то, что в Фонде Горбачева уже в течение двух лет проводятся семинары по проблемам роли российского мультикультурализма. И главный вопрос, который волнует участников этого семинара, звучит так: «Россия столь многообразна, что непонятно, как в ней может произойти модернизация. Есть предположение, что мультикультурализм препятствует модернизации». Сформировались две точки зрения на проблему. Первая представлена либералами или теми, кто называет себя либералами, стоявшими прежде у власти, которые говорят, что существуют две России: одна передовая — либеральная, другая косная — традиционная. Вот эти две России и сталкиваются между собой. Власть ориентируется на косную Россию, поэтому для передовых идей не хватает общественной поддержки.

Вторую точку зрения представляет, например, Н. Зубаревич, которая считает, что существует четыре России. В «первой России» проживает примерно 30% российского населения (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники и города с 500-тысячным населением). Только здесь, по мнению Зубаревич, якобы и формируется российский средний класс и наблюдается некое культурное единство. Эта Россия имеет претензии к власти, средний класс хочет перемен, ему не нравится эта усредненная, коррумпированная, нечестная политика. «Вторая Россия» по Зубаревич — это страна средних промышленных городов, в основном еще имеющих работающую советскую промышленность. Там живет 25% населения. Эти города выживают, они получают помощь, и их, в отличие от первой России, страшит экономический кризис. В «третью Россию» входят жители сел и малых городов. Они находятся вооб-

ще вне политического поля. Эти города, по мнению автора идеи, как бы выпавшие. И наконец, в «четвертую Россию» Зубаревич включает 6% населения — проживающих в республиках Северного Кавказа и на юге Сибири. В «четвертой России» есть крупные и небольшие города, но почти нет промышленных. В них не произошло никаких позитивных изменений, растут проблемы.

Вопреки этой важной классификации, отмечает В. Г. Федотова, в региональных стратегиях социально-экономического развития до 2025 г. все регионы схожи. И во всех ставится цель построения постиндустриального общества. При этом создатели стратегий полагают, что надо исходить из общего федерального документа. «Вот именно здесь мы видим антимультикультурализм, — говорит В. Г. Федотова, — какую-то заданную идеологию под видом модернизации. Представители регионов уверены, что мультикультурность, если и есть, то не мешает модернизации. Они не знают, что неравномерность, мультикультурность есть везде, что в той же Америке есть неравномерность».

На Западе после периода восхваления мультикультурализма произошел перелом. Теперь после волн миграции, конфликтов, столкновений, непонимания сама идея мультикультурализма подверглась чрезвычайной критике. Но, подчеркивает В. Г. Федотова, хотим мы этого или не хотим, культурное многообразие есть везде, и с этим надо считаться.

Для более продуктивного обсуждения проблемы она предложила договориться об основных определениях и отвечать на четко сформулированные вопросы. Мультикультурность, мультикультурализм все участники круглого стола согласились понимать как реальное присутствие культурного многообразия, а политику мультикультурализма — как поддержание последнего в противоположность культурному единству. И задались вопросами: «Мультикультурализм и культурное многообразие — это препятствие или не препятствие модернизации? Откуда берутся стратегии, в которых нет учета культуры?»

В. П. Веряскина (Институт философии РАН) высказалась о чиновничьей некомпетентности, неисполнении своего дела нормальным образом.

«Я не думаю, — сказала она, — чтобы люди, занимающие какие-то посты, не понимали, что Россия — это многонациональное, многоэтническое образование с очень неравномерным экономическим, политическим и культурным развитием и т. д. Они просто не хотят работать».

Многообразие культур она расценила как безусловно положительное явление, которое будет существовать всегда и для которого нужна осознанная политика в области культуры. Проблема для России заключается также в том, как совместить установку государства на необходимость укрепления единой России с вопросами сохранения ее культурного и иного многообразия.

Характер нынешней модернизации в России философ считает чем-то средним между первичным (индустриальным) и вторичным (постиндустриальным, интегрированным) развитием. Если на Западе обсуждают проблему человеческого капитала, инвестиций в знание, то у нас эта тематика пока занимает лишь интеллектуальную элиту. При этом в России дискуссии о человеке нередко переводятся в плоскость необходимости соединения идентичности городской и почвенной (культурной, этнической).

Интересным для размышлений В. П. Верякина называется тот факт, что, судя по докладам Программы развития ООН, этнокультурные особенности не влияют на процесс развития напрямую, непосредственно. Проблема культурного детерминизма здесь стоит в стороне. Культурные особенности, подчеркнула она, приводят к нестабильности, если не проводится осознанная политика в области культуры. Политика в области культуры не равна политике мультикультурализма, она должна соединять многообразие культур с идентичностью по гражданству.

Э. А. Эбаноидзе (главный редактор издательства «Культурная революция») говорил о наличии в стране не просто культурного разнообразия, но и анахронизмов. «Россия — одна, — заявил он. — Она просто существует в разных измерениях, и задача в том, чтобы понять это».

Н. Н. Федотова (МГИМО) предложила обратиться к результатам эмпирических исследований социологов, в частности Института

социологии РАН, которые также рассматривают вопросы различий между гражданами России, но в плане их отношения к модернизации. Например, российские социологи выделяют две основные группы — традиционалистов и модернистов, различие между которыми заключается в представлениях о власти государства, свободе личности и личной ответственности. По ценностным ориентациям, согласно европейским социальным обследованиям, россияне, как и граждане других стран, делятся на большее число групп. В России они выделяют четыре группы людей в более широком диапазоне — от приверженцев к модернистским ценностям до традиционалистов, но с промежуточными звеньями между ними. Это — четыре «кластера». В России они насчитали в первом «кластере» (где люди крайне высоко ценят открытость и средне высоко заботу о людях и природе) 13% населения. Во втором «кластере» (где люди занимают срединное положение между открытостью к изменениям и консервативными позициями, обладают крайне высокими ценностями самоутверждения) — 48%. В третьем «кластере» (срединное положение между открытостью к изменениям и сохранением существующего и крайне высокая ценность заботы о людях и природе) — 6%. Четвертый кластер (люди с крайне высокой ценностью сохранения существующего и средне высокой ценностью самоутверждения) — 33%. «Эти исследования, — подчеркнула Н. Н. Федотова, — приводят нас к выводу о необходимости направленности модернизационной политики и идеологии на все четыре кластера населения, на всех людей, объективно заинтересованных в модернизации, а не только на тех, кто уже об этом заявил и тем более противопоставил себя остальным. Необходимы смешанные проекты модернизации, учитывающие все разнообразие населения. Попытка дожидаться, когда вымрут все традиционалисты, а останутся одни модернисты, смешна и печальна, так как оставшиеся разделятся на новые группы по тем же или другим основаниям».

В. А. Колтаков (Институт философии РАН) говорил о том, что в постсоветской России отсутствует мощная объединяющая всех модернизационная идея, мобилизовавшая массы

людей в советское время, в том числе на улучшение образования, социальную справедливость, социальный прогресс и, наконец, на преобразования самой системы. Сегодня идея модернизации понимается в обыденном значении как улучшение или как вступление в активное технологическое развитие, в котором массы не могут принять участие, так как для этого нужна высокопрофессиональная деятельность. Исследователь заключил, что сегодня действует противоположный СССР тренд — на разъединение, на сегментацию и архаизацию. Из позитивных тенденций В. А. Колпаков отметил такие новые, как политическое действие и политическая культура, назвав их долгожданными предвестниками гражданского общества.

В. Б. Власова (Институт философии РАН) напомнила об опыте Древнего Рима, об империи, которая много веков жила в условиях мультикультурализма, идущего извне. Существенным фактором она считает внутренний мультикультурализм, который имеется в России и в большей мере соединим с общегражданской позицией и культурной политикой.

О. А. Жукова (МПГУ) считает, что основной вопрос заключается в том, каким образом освоить современность, как вписаться в нее, сохраняя главные механизмы своей собственной идентичности, свою культурную платформу. «Как мы можем посмотреть на многообразие культур?» — сформулировала она вопрос. С точки зрения культурологической позиции, конечно, здесь доминирует мультикультуралистская парадигма, считает она, но если мы взглянем шире, с точки зрения методологии социогуманитарного знания, то должны будем говорить не только о многообразии культур. Надо смотреть на проблему целостно, с позиции социальной общности, полагает *О. А. Жукова*. С этой точки зрения в культурологическом и политологическом дискурсах доминируют понятия «этническая культура» и «национальная культура». Нашей главной российской исторической проблемой является предпочтение термина «народ», в то время как в Европе говорят о нации. Это нерешенный вопрос цивилизационной и культурно-политической идентичности России.

«Каким образом мы можем урегулировать — и в своем сознании, и на юридическом уровне — разницу между достоинством этнической культуры и национальной культуры в рамках той общности, которая называется гражданская политическая нация, не отказываясь от культурных традиций, о которых, конечно, каждый народ должен заботиться и черпать в них свои силы, духовную творческую энергию, свою надежду на будущее?» — спрашивает *О. А. Жукова*.

Какая идея может вдохновить Россию? По мнению *О. А. Жуковой*, это идея симфонизации культурного различия. Не диалога культур, а симфонизации. Эта идея формируется в рамках постиндустриальной парадигмы.

Е. Н. Шапинская (Российский институт культурологии) предложила поразмышлять над терминологическими проблемами. Она обратилась к истории возникновения мультикультурализма, начав с появления постмодернистских идей и терминов, в том числе с конструкции бинарных оппозиций (напр., «субъект — объект» и «я — другой») — одного из важнейших положений постмодернизма. В мире мультикультурализма все смешалось, субъект стал переходить на позицию объекта, и наоборот. Но при этом оппозиции имеют историческое свойство восстанавливаться, подчеркнула культуролог. И продемонстрировала это положение на примерах из современной социальной жизни. «Эйфория закончилась, — заключила она. — Потому что все то, что было определено как „прирученный“ другой, начало громко очень и агрессивно заявлять о себе. В результате оппозиции „мы — они“, „я — другой“ изменились, говорить о том, кто такие „мы“ и кто такие „они“, стало практически невозможно».

Ч. К. Ламажаа (Московский гуманитарный университет) обратила внимание на постановку вопроса о культурном многообразии и модернизации (может ли быть первое препятствием для второго). Таким же образом можно ставить вопрос, являются ли пенсионеры препятствием для пенсионной реформы. Культурное многообразие, подчеркнула она, следует принимать как результат большой социокультурной эволюции, как факт, от которого

уже никуда не деться. Поэтому речь может идти не о том, что делать с этим культурным многообразием, а о том, как его учитывать в целях модернизации, как выстраивать управленческие решения, как формулировать и реализовывать мультикультурализм как политику. Для теоретиков здесь есть две плоскости работы: во-первых, это собственно теоретическое осмысление происходящего, научные исследования; во-вторых, наша трактовка деятельности власти. И эти две плоскости мало соприкасаются — таковы российские реалии.

Д. Кузнецов (Институт философии РАН) обнаруживает в основании мультикультурности культуру мигрантов. Он предложил рассматривать мультикультурализм как определенный отказ от «классических» форм культуры в том обществе, куда приезжает мигрант.

А. В. Гвоздев (МПГУ) предложил рассмотреть геополитический аспект проблемы. Религиозные, в том числе этнокультурные, организации (сети) могут влиять на политику внутреннюю и международную. При этом, говорил он, В. В. Путин предлагает рассматривать русский народ как скрепляющий все этносы вокруг себя. Но сам же президент отмечает, что русскому народу не свойственно объединяться в крепкие, сильные диаспоры. И тогда возникает вопрос: «А что нам тогда взамен сетей, диаспор, всей гражданской, так скажем, активности может предложить государство?» Ответа нет. Получается, что русские оказываются в странном подвешенном состоянии.

Проблема мультикультурализма, считает А. В. Гвоздев, не в том, у кого какого цвета волосы или разрез глаз, а в выживании на определенной территории.

Г. Ю. Канарш (Институт философии РАН) напомнил, что мультикультурализм возник в нашей стране в результате политики новой большевистской власти, стремившейся таким образом (через поддержку и институционализацию этнических различий) обеспечить себе лояльность нерусских (в этническом смысле) региональных элит. Он допустил, что между советским и нынешним западным мультикультурализмом имеется лишь внешнее сходство.

С политико-экономических позиций политолог считает правомерным говорить о «множестве» России, но если рассматривать Россию в аспекте *политико-культурном*, то исторически страна представляла собой как раз исключительное культурное единство, считает Г. Ю. Канарш. «У нас нет резких культурных границ, которые бы отделяли одни регионы от других. Нет резких контрастов, например, между Севером и Югом, которые есть в других государствах, в той же Италии, нет резко выделенных региональных сообществ, как, например, в Испании». Поэтому он предлагает говорить о единой российской нации («русском народе», как говорит академик В. А. Тишков). Г. Ю. Канарш считает сомнительным воспитывать в школах толерантность путем демонстрации отличий детей друг от друга: «А не лучше ли было бы подчеркивать как раз не особенное, а *общее*, российское (раз эти дети разных национальностей проживают в России и учатся в *русской* школе), или, по крайней мере, начинать с этого, прежде чем перейти с малышами к изучению этнокультурной специфики (как например, это делается в известной серии российских мультфильмов „Гора самоцветов“)?»

В заключительном слове В. Г. Федотова выразила удовлетворение общей работой, тем не менее, подчеркнув, что исследователи стоят перед проблемой, которую пока не знают, как решить. «Сегодня стоит вопрос о том, что базисные структуры национального государства со всеми его основами, включая преобладающий этнос, — сказала она, — должны защищать общую, единую идентичность, позволяя другим приобщаться к ней и вносить свои вклады, понимая, что нашу культуру создаем мы все вместе».

Ч. К. ЛАМАЖАА

Дата поступления: 14.01.2013 г.

PANEL DISCUSSION «THE CULTURAL VARIETY OF RUSSIA AND ITS ROLE IN RUSSIAN MODERNIZATION»

СН. К. ЛАМАЗНАА